

Культура. — 1996. — Декабрь. — С. 11.

Бывшая лимитчица вышла на большую дорогу

ИМЕНА

Ольга КУЧКИНА

Жила-была в Свердловске девочка Надя.

Сорванец, художница, артистка, талант.

Будущий киносценарист, автор знаменитых картин "Зеркало для героя", "Муж и дочь Тамары Александровны", "Нога" (первая лента об Афгане), "Прорва" и других. Почти все ее работы отмечены призами на престижных кинофестивалях Италии, Испании, Японии, Франции, Германии, России. Только что Надежда Котушаная выдвинута на звание заслуженного деятеля искусств России.

О ней, сочиняющей сильные сценарии про мужчин и женщин, можно сказать, что она — героиня ненаписанного сценария. Отвечая на вопрос, откуда такая концентрация боли и сострадания, она призналась:

— Дано. И я очень счастлива. Потому что действительно ничего не написано впроброс. Если за что-то берусь, то...

— ...до полной гибели все-раз?

— ...до полной гибели, до битвы о стену, до криков на улице. Драматургия — это насилие. Придумываешь человека, полюбил — и сразу надо ставить в невыносимые, или невероятные, или смешные ситуации.

Жизнь ставила ее самое в невероятные ситуации. Она училась в Уральском университете, написала лучший (по отзывам) диплом, прочили аспирантуру, но сперва (так полагалось) послали в деревню. Ехать не хотелось, говорила, что подохнет, что не умеет быть учеником. Вдруг взяла и поехала. Назло. Кому? Им или себе? За год потеряла восемь килограм-

мов. Смотрела в окно: не едет ли влюбленный в нее архитектор. Школьники, ее обожавшие (за то, что не учительница), говорили: "Да придет, Надежда Пална!" Архитектор взял ее за муж и увез в Москву. Он заканчивал учебу, а она стала лимитчицей. По лимиту можно было получить комнату и прописаться. Иначе как? По лимиту не брали людей: у которых есть дети, женаты, с высшим образованием, тех, кто сидел в тюрьме и кто в сумасшедшем доме. У нее было два недостатка: высшее образование и муж. С мужем развелась, трудовую книжку соорудили фиктивную, стала табельщицей СУ-62. Конечно, все знали — соблюдали правила игры. Дочь Катя родилась как бы вне брака. Потом опять поженились. Когда Наде надо было сделать на конференции в Риме доклад о женской участи в России, она просто рассказала, как год "табелировала" (такой термин). На конференцию ее пригласили вместе с Сергеем Залыгиным, Борисом Васильевым, Мерабом Мамардашвили, Леном Карпинским и другими знаменитыми "шестидесятниками". Она, девочка, балдела. На обеде в Римском Сенате, где не разрешается курить, ей подали отдельно золотую пепельницу. Потушив окурочку о золото, она вернулась в коммуналку, где дядя Вася с расстегнутой ширинкой стал рассказывать коммунальные новости. Все те же: что где протекло, кто кого побил по пьянке. Надю это ничуть не стесняло: она чувствовала себя своей и в коммуналке, и в СУ-62, и на Высших сценарных курсах, и при получении Золотого Овна, и в Римском Сенате. Когда я сказала Наде, что она человек, для которого нет дна, то имела в виду дно жизни. Потом подумала, что на самом деле тут еще бездонность.

— Вы говорите: нет дна, — заметила она. — Мне кажется, это диапазон, у которого нет рамок. Мне очень повезло в этом отношении, родители с детства учили и музыке, у меня музыкальное образование, и рисованию, и всему. А друзья — шпана. Они приходят, я им играю на пианино...

Диапазон, конечно, не только социальный. Еще важнее диапазон чувств. Надя наотмашь и пишет, и живет.

— Убить я могу, это точно. Но в защиту. В защиту ребенка любого! Голову отверну, выброшу и забуду, если кто-то подумает обидеть ребенка... Я уж не говорю про дочку, тут ясно.

— Вы вообще уличная, домашняя, светская?

— Любая. Но я очень люблю дом. Месяц с чем-то у нас отдельная квартира. Первый раз за двадцать лет женитьбы. Я по ней просто хожу. Мне ничего и никуда не надо. Дом, и все.

— А страсти по-прежнему разрывают?

— Конечно, я живой человек.

— Переживаете внутри, или как-то выплескивается?..

— Хорошо, если выплескивается на бумагу, честно говоря. Потому что ходить на сторону я не умею, а влюбляюсь очень часто. У меня был роман с Высоцким, например. Он умер уже, а я влюбилась в него дико совершенно. Я с ним разговаривала. В детстве у меня был роман с Чеховым, я ему письма писала.

Один ее сценарий посвящен: "Настоящим". Так прямо и стоит. Она пишет настоящих людей, она работает с настоящими людьми.

— Я читала ваши потрясающие записки по поводу Кайдановского, ушедшего из жизни, Никиты Тягунова, тоже ушедшего...

— Это вместо "прощай"... С Никитой Тягуновым мы делали "Ногу", она так трудно далась. Мы очень любили друг дружку, потому что ближе работы для меня ничего не может быть, правда, а там такие клубки... Я знаю афганцев. У меня друг, он сейчас писатель, служил в Афганистане восемь месяцев, не получил ни одного ранения, только заработал циклотомию — шизофрению, которая не лечится, — красавец, умный. Учился со мной на курсах сценарных. Мужик настоящий. А это был 82-й год, то есть вообще нельзя было говорить ничего, они же писали расписку о неразглашении. Он меня завел вначале в рюмочную, мы выпили по столечку водки, а потом пошли на курсы, в курилку. Он достал бутылку водки опять, влил в глотку и стал мне рассказывать про Афган. Он сказал: "Я тебя выбрал". Я говорю: "Напиши, что ты в себе носишь это!" — "Не пропускай".

Она взялась за фильм "Нога" по этой причине: что "не пропускай".

Спасаясь от войны и смерти, от мерзости и бесчеловечности, она пишет про любовь. Любовь, любовь, любовь. Она любит любить. Она умеет про это писать.

Фильм ее и Ивана Дыховичного "Прорва" вошел в двадцатку лучших фильмов мира 91-го года.

Напоследок спросила:

— Что, вы думаете, с вами будет?

— Я хочу работать. Я хочу побеждать, абсолютно честно. Я не терплю ничью. Лучше проиграть или победить.

— Вы себя ощущаете представителем народа?

— Народа? Нет. Поколения — да. Не знаю... хотелось бы быть представителем искусства, а почему нет?

В одном из своих текстов она написала: "Говорят, что мужчина создан для войн. Думаю, это неправда. Мужчина нежнее женщины. Потому что мужчина — не рождает..."

Недавно она приступила к работе над фильмом о Чечне. ●